

ЗВЕЗДЫ

Общая газ -
2000, - 22-28 июня - с 14

Человек вечерний и театральный

Победительница первых сочинских «Красных гвоздик» Тамара Гвердцители теперь известная певица

— Бывают дни, когда вы не поете?

— Нет, это невозможно. Даже во сне у меня рождаются мелодии. Хотелось бы иметь в соседней комнате студию, чтобы тут же побежать в ночной рубашке и записать приснившуюся мелодию...

— То есть вам не приходится настраивать себя на творчество?

— У Мандельштама есть стихи со строкой «А в небе танцует золото, приказывает мне петь». Какая-то сила приказывает мне петь и бросает в ту стихию, где обычная жизнь заканчивается.

...Встаю, пью кофе, подхожу к роялю, разыгрываюсь. Потом какая-нибудь репетиция или деловая встреча. Если вечером концерт, то весь день подчинен этому событию. Я вообще человек вечерний, оживаю по-настоящему к вечеру.

— Вам больше нравится петь на многолюдных концертах или в тихих студиях?

— Когда я слушаю свою запись одного и того же произведения на концерте и в студии, меня просто бросает в холод. Такое ощущение, что поют два разных человека. Какая бы ни была роскошная студия (кого сегодня удивитшь техникой?), все равно работа в ней меня угнетает. Надо два-три дня настраиваться, чтобы пойти на запись.

— Вы любите Эдит Пиаф, посвящаете ей песни. А что такое для вас самой «жизнь в розовом свете»?

— Мне хорошо, где есть живая музыка, где играют хорошие музыканты. Окунаешься в эту атмосферу, и жизнь окрашивается в розовый цвет. В Париже я любила ходить в одно и то же кафе и могла несколько часов подряд с чашкой кофе наблюдать в окно завораживающие сценки из жизни.

Я заслушивалась песнями Пиаф с детства, а спустя двадцать лет в Париже пела композицию из ее песен. В моей тбилисской школе для одаренных детей стипендию платили с восьмого класса, и на нее покупались французские пластинки и книги. Слушала Монтана, Азнавура, смотрела «Шербурские зонтики», а много лет спустя познакомилась с Леграном. Французский шансон вошел в мою плоть и кровь.

— У многих грузин и грузинок, замечено, какой-то особый настрой на Францию. Но в то же время они укоренены в свой быт, традицию. Такое сочетается?

— Где бы я ни жила, квартира у меня всегда тбилисская. В теплом южном стиле. Нет выхолощенности евроремонта. Стараюсь сохранить микромир, в котором царствует наша семья — родители,

Сергей ЗОНИЧЕВ

ли, дети, внуки, дяди, тети, племянники... Есть вещи, с которыми связана жизнь семьи. Мы их повсюду возим с собой. Разные чайнички, ложечки, подсвечники, пудреницы, платочки с вензелями из молодости наших бабушек и дедушек.

— В вашем доме есть вещи с особенно памятной историей?

— Сама вещь не сохранилась, но мама мне о ней рассказывала. Мама жила с родителями в Одессе. Семья была небодной, в доме у них стоял белый рояль. Во время войны, когда надо было срочно эвакуироваться, мама надеялась, что обязательно возьмут с собой

ее куклу и рояль. Ведь ей так хотелось заниматься музыкой. Конечно же всем было не до рояля. Люди ведь брали какое-нибудь одеяло и собирали в него только мелкие вещи, которые потом по пути можно будет обменять на продукты. Дяде моему тоже пришлось оставить свою скрипку. Так получилось, что в нашей семье музыкантом стала одна я. И рояль всегда со мной, потому что твой личный инструмент — это что-то очень сокровенное.

— Ваш сын учится в Америке. Кем он себя ощущает — американцем, грузином или гражданином мира?

— Он взял все хорошее, что можно взять в американской жизни, но и сохранил свои корни. Не стал расчетливым и холодным. Мы часто разговариваем с ним по телефону. Правда, Сандро жаждет общаться через Интернет, но пока у нас это не получается.

— Ваши дорогие люди далеко от вас...

— Мне приходилось менять много домов, каждый раз начинать что-то сначала, жертвовать личным. Все мои победы — не легкие победы...

Елена АЛЕКСЕЕВА